

О театре и о себе

**ЗАСЛУЖЕННОМУ
АРТИСТУ СССР
МИХАИЛУ ИЛЬИЧУ БУШНОВУ 90 ЛЕТ**

МИХАИЛ ИЛЬИЧ БУШНОВ – ВЕТЕРАН ТЕАТРА ИМЕНИ ГОРЬКОГО. ДА И ВСЕГО ТЕАТРАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА РОСТОВА-НА-ДОНУ. ТРУДНО ПРЕДСТАВИТЬ, ЧТО ЭТОМУ ПОДТЯНУТОМУ ЧЕЛОВЕКУ С КРАСИВОЙ ОСАНКОЙ И ГУСТЫМ МУЖСКИМ БАРИТОНОМ – 90 ЛЕТ! ОН ПОМНИТ ВЫСТУПЛЕНИЯ НА РОСТОВСКОЙ СЦЕНЕ ТАКИХ КОРИФЕЕВ БЫЛЫХ ВРЕМЕН, КАК МОРДВИНОВ, МАРЕЦКАЯ, ЛЕОНДОР...

ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ МИХАИЛА ИЛЬИЧА НЕОТДЕЛИМ ОТ ИСТОРИИ РОСТОВСКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА. ОН САМ – БОЛЬШАЯ И ВАЖНАЯ ЧАСТЬ ЕГО ИСТОРИИ.

И СЕЙЧАС МИХАИЛ ИЛЬИЧ ПРОДОЛЖАЕТ СЛУЖИТЬ В ЛЮБИМОМ ТЕАТРЕ, СТАВШЕМ ЕГО СУДЬБОЙ. КАЖЕТСЯ, М.И. БУШНОВ ДОБИЛСЯ ВСЕХ МЫСЛИМЫХ ЗНАКОВ ПРИЗНАНИЯ, КАКИЕ ТОЛЬКО ЕСТЬ В НАШЕЙ СТРАНЕ ДЛЯ АКТЕРА. НО ОН ПО-ПРЕЖНЕМУ ВОЛНУЕТСЯ ПЕРЕД КАЖДЫМ ВЫХОДОМ НА СЦЕНУ. ГОТОВИТСЯ К НОВЫМ РОЛЯМ.

В КВАРТИРЕ ВСЕ НАПОМИНАЕТ О ТЕАТРЕ: ПО СТЕНАМ ВИСЯТ В РАМКАХ ДИПЛОМЫ МНОГИХ КОНКУРСОВ, ОБЩЕСТВЕННЫХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ, НА ПОЛКАХ – ФОТОГРАФИИ, СТАТУЭТКИ... ЮБИЛЯР ЛЮБЕЗНО СОГЛАСИЛСЯ РАССКАЗАТЬ КОРРЕСПОНДЕНТУ ЖУРНАЛА О ТЕАТРЕ И О СЕБЕ. КАК СЛОЖИЛОСЬ В ТРАДИЦИИ РОССИЙСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ, РАЗГОВОР НАШ ПРОХОДИЛ НА КУХНЕ ЕГО КВАРТИРЫ, В МНОГОЭТАЖНОМ ДОМЕ НА КИРОВСКОМ ПРОСПЕКТЕ.

Свои воспоминания и размышления Михаил Ильич начал с военных лет:

– Я воевал с 1942 по 1947 гг. Потом демобилизовался в марте месяце. Можно было раньше, но командир дивизии меня не отпускал, так как нужно было подготовить концерт к 23 февраля. Хотя в это время я уже служил в частях, был командиром отделения. Так и остался сержантом.

Служил я в 387-й стрелковой Перекопской дивизии РКК (резерв Главного командования).

Название «Перекопская» дивизии было присвоено потому, что воевала она в основном на Юге. Были бои под Перекопом, Севастополем.

Я воевал в основном на Южном фронте во 2-й гвардейской и 51-й армиях. Туда же входили и 61-я и 37-я армии. Наша

армия придавалась в помощь другим по необходимости. По учетной специальности это – пехота. День Победы мы встретили в Румынии. Это была такая радость! Стреляли из всех видов стрелкового оружия. Потом переехали в Болгарию. Там в 1945 году нашу дивизию расформировали.

Уже после войны я короткое время прослужил в ансамбле. Потом был секретарем комсомольской организации в болгарском городе Сливен. Нес обычную воинскую службу.

Так в 1947 году я вернулся в Ростов. Это было 5 марта. У Ростова эшелон долго стоял... Когда я пришел домой (там была внизу дверь с цепочкой, а наверху, на третьем этаже, окно), постучал в дверь. И мама меня спросила: «Кто там?», я ее сразу не узнал, потому что голос давно не слышал. Голос тоненький такой показался. Я сказал: «Это от вашего сына», и тут же ее узнал.

Она спустилась к двери и еще раз спросила: «Кто там?» Тут уж я сказал: «Мама, это я!» А дверь с цепочкой... Цепочка... старая дверь такая была... И когда я сказал, что это я, она хотела быстрее открыть, а чтобы открыть дверь, нужно сначала ее закрыть, чтобы снять цепочку. А закрыть она никак не хотела. И

она долго не могла открыть, возилась с дверью. Это запомнилось. Я сказал тогда: «Мама, не волнуйся. Я уже здесь, я живой!»

...Вот так в 1947 году я вернулся домой...

В 1951 году окончил Щукинское театральное училище. Можно было остаться в Москве, но я – ростовчанин. И вернулся в Ростов. Пришел в театр имени Горького, но в театре не оказалось места. И я пошел в театр комедии, который находился там, где сейчас молодежный театр, – будущий театр имени Ленинского комсомола. Я работал там до 1962 года, до того времени, когда театр расформировали, и меня и еще одну актрису перевели в театр Горького. Вот с 1962 года и по сей день я работаю в театре имени Горького. Пятьдесят лет...

В 1961 году я занялся преподавательской деятельностью, и закончил ее в 2012 году. Пятьдесят лет я отдал этому своему увлечению. Сейчас меня снова приглашают продолжить преподавание. Я – профессор. Настоящий профессор – ездил в Москву, защищал диссертацию.

...Когда я получил первые аплодисменты, это было на гастролях, я играл маленькую роль инженера Грищенко в арбузовской «Тане», я одурел от восторга, обежал все гримуборные с криком «Аплодисменты!» И вот, когда я с этим криком забежал в гримерку, где сидели все наши «главные герои», кто-то из них спокойно так сказал: «Ну и что же?» Это было первое, что царапнуло мою душу. Я понял тогда, что театр – это моя радость. Но только моя. А не всегда радость других.

Больше я никогда не думал о том, как меня воспринимают, оценивают. Просто играл, как считал нужным. Работал и работал. Никогда не просил званий. Даже не намекал об этом.

Были и неудачные роли. Я считаю, что провал бывает, если актер не понял замысел режиссера или с ним не согласен. Тогда возникает стык и получается провал. Из более чем двухсот ролей, я считаю, удачными у меня были более ста.

Через оболочку образа, если я, лично я, Михаил Ильич Бушнов, что-то хочу сказать зрителю, тогда получается роль. Так, играя Эзо-

па, который борется с Ксанфом за свою свободу... я говорю зрителю: «Будьте свободны!» Ощущение свободного человека дает право на самое высокое отношение к человеку среди других людей. Самое главное – человек сам это ощущение получит.

Это – главная тема. Я должен «взрыхлить душу». Как и со студентами, я должен влезть в грудную клетку и пощупать там сердце. Зрителя я не учу. Если я его буду учить, он от меня отвернется. Нужно войти в роль, понять ее, а потом забыть все, что учил, и стать самим героем. Быть умным настоящим, как сам герой. Не больше. Потому что больше – это уже не то...

Я помню старую гвардию. Шагуновский, Швейцер, Молчанов, Кольцов – очень хорошие актеры были в театре Горького. Поколения менялись. Приходили новые режиссеры: Лоховский, Цициновский, Рудник... каждый по-своему, но они были требовательны.

Театр наш, Горьковский театр, – хороший театр. Недостатков у него – полно! Можно придаться и к репертуару, и к стилю игры. Но у нас за все годы его существования, и моего существования в нем, нет пошлости, нет нелицеприятной лексики, это у нас недопустимо, как в других театрах, особенно в новых образованиях.

У нас было много хороших режиссеров. Тот же Еремин, при котором мы получили звание академического театра. Это было счастливое время... У нас, если по репертуару пройтись, представлена вся классика. И русская, и зарубежная. Спектакль «Кутузов», в котором играл Леондор в 1942 году, и войска на фронт шли.

Наш театр каждый раз заново рождался. Он возрождался после революции и Гражданской войны. И после Отечественной войны он тоже, взорванный, возрождался. Люди спасали костюмы, когда все горело... Он возрождался!

Я люблю ростовскую публику. Она, что видит, на то и откликнется. Если юмор – она смеется. Если драма – она замирает. Бывает молодежная аудитория, я слышу за сценой шум, когда гримируюсь, и думаю, как же я сейчас буду играть трагедию? Но начинается спек-

такль, проходит пять минут, и все смолкают. Если спектакль достаточно хороший.

Ростовский зритель – теплее. Он откликается. Слои души у него расположены так. Как слои, оставленные океаном. Если срезать южный характер – у него будет прослойка больше. Это – как в геологии. Есть слои песка, глины, каменные и еще... Геология души сложнее. Ростовский зритель живет в микроокружении совсем другом, чем человек в средней России. Тут рядом – Кавказ.

Мне кажется, что если публику разбудить, дать ей посылы, не насиловать ее неправдой, она обязательно отзовется. Любая публика. Зритель может не аплодировать, не смеяться даже. Но в конце – пят-

надцать раз вызывать вас на сцену. Зритель везде хороший, и везде – благодарный...

Мы поздравляем Михаила Ильича с юбилеем и желаем ему здоровья, новых интересных ролей, творческих удач, удовлетворения от многогранной деятельности и благодарных зрителей.

АЛЕКСАНДР ЛИПКОВИЧ

